

3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
4. Зенкин С. Н. Послесловие переводчика // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 254-260.
5. Конев В. А. Концепт творчества // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: Сборник научных трудов VI Международной научно-теоретической конференции (Россия, г. Ульяновск, 16–17 февраля 2018 г.) / под ред. М. П. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2018. С. 6-15.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. С. 3-10.
7. Неретина С. С. Верующий разум. Книга бытия и Салический закон. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. 320 с.
8. Неретина С. С. От апоретики – к докладу и отчету. // Vox. Философский журнал. 2016. № 21. С. 330–355.
9. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М.: Гнозис, 1995. 182 с.
10. Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН 1999. 277 с.
11. Неретина С. С. Философские одиночества. М.: ИФРАН, 2008. 269 с.
12. Саенко А. В. О концептуальных персонажах Ж.-П. Сартра // Философская мысль. 2018. № 2. С. 15-23.
13. Саенко А. В. Что и как говорил Ницше о достоинстве человека // В мыслях о своемвременном и ином: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Горького (Н. Новгород, 21–22 апреля 2018 г.). Н. Новгород: Изд-во ПИМУ, 2018. С. 180-185.
14. Фатенков А. Н. Культурная экспансия метафоры и философско-мировоззренческий горизонт иносказания // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 48-69.
15. Фатенков А. Н. Модель-метафора как универсально-конкретная форма философского дискурса // Философия хозяйства. 2005. № 3. С. 157-164.
16. Фатенков А. Н. Языки философии, литературы и науки в аспекте смысла // Философские науки. 2003. № 9. С. 50-69.

Специфика понимания феномена пола в философии Василия Розанова

Данчук М.В., Самара
аспирант кафедры философии,
Самарский университет

В статье анализируется концепция пола у представителя русского религиозно-философского кружка В.В. Розанова. В тексте представлены ключевые

моменты развития темы и реакция современников Розанова на положения его теории.

Ключевые слова: Розанов, пол, энергичность пола.

M.V. Danchuk, Samara

The specifics of understanding the phenomenon of gender by V.V. Rozanov

The article analyzes the conception of gender given by V.V. Rozanov, a representative of Russian religious and philosophical circle. The text presents the key points of the topic development and the reaction of Rozanov's contemporaries to his theory.

Keywords: Rozanov, gender, energie of gender.

Вопрос о поле, ставший особенно популярным в последнее десятилетие в связи с разрешением однополых браков, сменой пола, в отечественном дискурсе постсоветского времени тематизировался чаще антропологами и социологами, нежели философами. Однако в отечественной философии существует традиция исследования пола, начало которой положил Василий Розанов.

Целью статьи является рассмотрение особенностей постановки и решения вопроса о поле В. Розановым.

Он «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...». Эти строки Лермонтова вполне могут быть эпиграфом к главной теме творчества великого русского философа В.В. Розанова. И темой этой является феномен пола, ставший для него универсальным ключом, с помощью которого мыслителю открывались двери проблем современных и тайн древних цивилизаций мира. Без исследования специфики этой темы в мировоззрении Розанова, в нем почти ничего нельзя понять, начиная от текущей дискурсивности стиля – до катастрофической подвижности розановских идей.

Академическое изложение идей Розанова сталкивается с таким препятствием, как алогичность, ставшая одним из его основных художественных и философских приемов. Поэтому одним из главных условий понимания и толкования его концепции пола, является, во-первых, углубление в его тексты, а во-вторых, некая интуиция, помогающая находить и вспоминать многочисленные реминисценции темы, рассыпанные, спрятанные, появляющиеся в самых неожиданных местах его многочисленных статей и исследований.

В освещении феномена пола Розанов явился воистину первопроходцем и новатором. Если до него проблемы, связанные с этой сферой, изучались на уровне философии, физиологии, социологии изолированно и узко специфически, то с приходом Розанова, они, как вокруг магнитного полюса, собрались в невероятную, доселе немыслимую картину. А. Белый писал о впечатлении, произведенном на современников книгой «В мире неясного и нерешенного»: это был «огонь, оплеснувший нас из книги» [2, с. 69]. З. Гиппиус назвала автора «великим плотовидцем» [3, с. 181]. Наконец, Д. Мережковский сказал, что Розанов

«выдвинул и осветил такие стороны нашего бытия, которые о него пребывали в темноте» [4, с. 179].

В чем же состояло новаторство, так поразившее современников? Кратко об этом можно сказать так – на феномен пола были направлены религиозные лучи, оживившие все сферы его познания: и философию, и физиологию, и социологию.

Одна из первых статей на эту тему «Семя и жизнь» вышла в 1897 году в «Биржевых Ведомостях». Розанов вмешался в спор, который, по его словам, «здесь и там завязываясь, никак не хотел замолкнуть в нашей литературе» [6]. Он привел распространенные оценки так называемой «плотской любви». Например, Вл.С. Соловьев называл ее «низменным чувством», г. Меньшиков «животным и грязным чувством, лживо изукрашенного поэтами», Л.Н. Толстой – «преступлением, сообща творимым мужчиной и женщиною». В защиту поднимались робкие голоса некоторых ученых и публицистов, но их аргументация была вялой и неубедительной и осуществлялась в «фривольных и грубых словах».

Не вступая напрямую в спор вокруг проблемы пола, Розанов приводит стихотворение Гете из «Фауста»:

Wer darf das Kind beim Namen nennen?
Die wenigen, die was davon erkannt,
Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreuzigt und verbrannt [1, с. 12].

Розанов предлагает точку отсчета, устанавливает опору, благодаря которой должна развиваться мысль, начавшая двигаться в сторону проблемы пола. Он пишет: «удивительно, как много зависит от воззрения человека, от точек, на которые он становится, чтобы созерцать вещи: под каламбуром, ужимками, подмигиваниями и молитва становится каламбуром: но читайте ее серьезно, и она станет во всю величину свою» [6]. Для Розанова такой точкой отсчета становится младенец, при созерцании которого, утверждает писатель, исчезает любая грязная мысль, замирает грубое слово. В нем есть не только отсутствие греха, но и «присутствие святости».

Тематизация пола в таком ракурсе позволяет ему оправдать пол и относиться к нему со всей серьезностью, глубиной и даже благоговением: «Склонение всего мира перед полом есть поклонение мира младенцу». Розанов вводит важные уточнения в оценку: пол – не грязь, а темнота, «начинающаяся ночь» в самой организации человека. «Всё, приближаясь сюда, становится трансцендентно, т.е. не только окружено это трансцендентными по необъяснимости своей бурями, "огнем поедающим", но и вообще как-то переливается в значительности своей за край только анатомических терминов» [6].

Розанов называет пол вторым, темным, «ноуменальным» лицом. Здесь автор использует термин Канта и приводит его определение: «Вещь тою стороною своею, которою от нас скрыта и вместе которая существенна» [6].

«Пол имеет содержание и положение трансцендентно-религиозного ноумена, он выходит из границ “естества”, он все-естественен и сверхестественен» [7, с. 118]. Розанов говорит, что пол идейно предсуществовал организму и органу, он «не есть вовсе тело <...> тело клубится около него и из него, как временный фантом, в котором он скрыт, как неумирающий и потусветный ноуменон этого тела» [7, с. 129]. В книге «В мире неясного и нерешенного» Розанов вводит понятие «дух пола» (в противовес «телу пола»).

С антропологической точки зрения эта позиция выражена в следующем высказывании Розанова: «Человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и своего, и универсального» [8, с. 288-289].

Бесконечно углубляя и возвышая понятие пола, Розанов приходит к выводу, что «пол есть не вещь, не бытие (sein, das Ding), а скорее всего какое-то волнение в нас, что-то волнующееся в нас, какой-то свет и жар, рассекающийся на «мужское» – к самке, и «женское» – к самцу». «Пол – весь организм, и – душа, и – тело. Но – «организм» опять же не как существо <...> а как «пульс и ритм», чему органы только подчинены» [8, с. 365].

Это есть не что иное, как энергичное понимание пола, которое он развивает в книге «Люди лунного света». Здесь Розанов строит модель «пола человечества», стараясь включить в нее все известные ему выражения пола, не ограничиваясь сферой допустимого, для создания полной картины.

Розанов выстраивает континуум от «плюс бесконечности» до «минус бесконечности», открывая тем самым такое свойство пола, как текучесть. Причем это распространяется как на общее понятие пола, так и на процессы, происходящие внутри каждого индивидуума.

Таким образом, пол, в восприятии Розанова, не статичен, а динамичен, его онтологическим статусом является бытийственная сила. Он не сводится к своим «функциональным» особенностям. «Пол не функция, не орган» [5, с. 165].

Это сфера, где нет познаваемых феноменов, но здесь начинаются феномены зиждательные.

Розанов выводил пол из-под власти этического, считая пол неподвластным морали. Многие расценили это как безнравственность идей самого Розанова. Отказ от этического в рассмотрении пола объясняется тем, что Розанов исходит из признания жизни, как первостепенной значимости. Для Розанова пол и жизнь тождественны. Важнейшей ценностью для Розанова являлась поглощенность жизнью, ее «процессуальностью».

Поскольку мир для Розанова существовал в неразрывном единстве духовного и телесного, то в каждом явлении он видел прежде всего это противоборство жизни и смерти, на фоне которого любые ценности, кроме самой жизни, теряли всякий смысл. Эта идея абсолютной ценности жизни становится центром розановской философии. Из этого центра он смотрел на проблему пола.

Такое рассмотрение пола позволило Розанову выделить два уровня пола – личностный и космический, выходящий за пределы человека и человечества, являющийся основой мира и жизни вообще. А это неизбежно приводило философа к различению «теитезации пола» и «сексуализации теизма». Он считал необхо-

димым связать, причем не только умозрительно, но и бытийственно. Эту бытийственность он считал познаваемой при помощи «ноуменальных глаголов»: «Дитя есть ноуменальный глагол; а отсюда в минуты слиянности полов... проходит на землю небесное слово...» [7, с. 304].

Розановская метафизика состояла в реальном «прорыве» эмпирического бытия. В поле и через пол человек выходит из своего «оплотненного» бытия в трансцендентную сферу божественных «зизждительных сущностей».

Пол, по мнению Розанова, следует рассматривать в апокалиптическом свете и тогда победа над грехом и смертью осуществляется не через аскетическое отрицание плоти, а через ее «священнодействие», через создание «непорочных тел» [7, с. 282].

Экстатическая стилистика размышлений Розанова о поле не случайна: это обращение к миру, похолодевшему изнутри. Этот холод является узлом европейской цивилизации, ее выхолощенной философии и скорбного бытийствования. По мнению Розанова, нужно освятить пол, чтобы избавиться от этого. Тогда семья, пронизанная снизу доверху божественными лучами, станет подлинной основой человеческого существования. Розанов говорит о том, что вместо культивирования ума, мы должны и можем культивировать пол.

Подводя итоги, следует сказать, что тема пола вплетена в творческую мысль Розанова. Специфика взглядов Розанова на феномен пола заключается в том, что пол в его понимании является высшим онтологическим условием всего органического бытия. Природа его глубоко ноуменальна. «Пол имеет содержание и положение трансцендентно-религиозного ноумена... пол выходит из границ “естества” он вне-естественен и сверх-естественен». [7, с. 118]. Энергии этого феномена пронизывают все сферы человеческого житнетворчества, он служит основой феноменов брака, семьи, а также отклонений, аномалий, влиявших не только на личностные качества индивидов, но и на исторические и культурные процессы.

Литература

1. Johann Wolfgang Goethe, Faust. Der Tragödie Erster Teil, Stuttgart: Reclam, 2014.
2. Андрей Белый. На перевале // Весы. 1906. № 1.
3. Антон Крайний. Влюбленность // Новый Путь. 1904. № 3.
4. Мережковский Д. С. Новый Вавилон // Новый Путь. 1904. № 3.
5. Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992.
6. Розанов В. В. Семя и жизнь // Биржевые Ведомости. 1897. 29 нояб. № 326.
7. Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 1995.
8. Розанов В. В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. Русская церковь и другие статьи / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995.